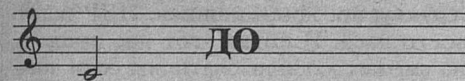


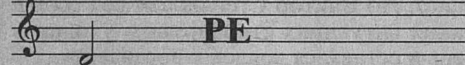
Спиваков Владимир

01.98



- Володя, что вы сегодня на завтрак ели?
- Я, кажется, еще не завтракал... (Время - полдевятого вечера.)
- Вы вообще знакомы с бытом? Или ваша жена избавила вас от него совсем?

- Мм-м... С бытом? С каким?
- Ну ваш день - он весь целиком в творчестве?
- Ну нет... Люблю с кем-то из детей в магазин пойти, картошки купить там, масла, хлеба... Готовить вот не умею - на кухне я нескладный ужасно... Я на сцене значительно лучше себя чувствую...



- Раскройте секрет: каким образом из музыканта для интеллектуального меньшинства, каковыми традиционно были у нас исполнители классической музыки, вы стали без пяти минут поп-звездой?

- Я об этом не думал. Но вот что на это скажу. Есть в английском языке такое слово, как "entertainer". Как бы это объяснить по-русски?

- Массовик-затейник...

- Скорее шоумен. А что такое шоумен? "Человек представляющий". В русском языке в этом понятии содержится некоторый оттенок пренебрежительности. В иных языках иронии нет в помине... Вот Баланчин - гений абсолютный - считал себя энтертейнером. Понимаете? Потому что хотел, чтобы его творчество нравилось. Много играя музыку Шостаковича, я убедился, что и Шостакович хотел, чтобы его музыка нравилась. Даже когда писал "Песнь о лесах".

- Нравилась кому? Знаюкам?

- Широкому кругу людей.

- Значит, для вас популярность все же является критерием качества?

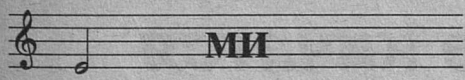
- Отнюдь нет. Но мне тоже хочется, чтобы то, что я делаю, нравилось. Потому что я очень люблю свою профессию. Она для меня самое главное в жизни...

- А вам не кажется, что вы уже долгое время занимаетесь адаптацией серьезной музыки для неподготовленных слушателей?

- Я не делал этого специально.

- А как же непременный джазик в каждом новогоднем "Огоньке"? Ведь именно это принесло вам популярность?

- Я могу пошутить. Станцевать с Майей Плисецкой вальс в зале... Ну прыгнул со сцены и танцевал с ней в партере. Что в этом ужасного? Тем более наши концерты московские обычно проходят под Новый год - в этом есть некоторый эксклюзив... Потом, как известно, все жанры хороши, кроме скучного. Излишняя ученость постепенно превращается в свою противоположность. Особенно если вы начинаете ею насилловать... Я вот думаю, что многие политики просто не понимают, как невыгодно все время говорить "я знаю": знаю, как страну реформировать, как приватизацию провести, - знаю, знаю... Жизнь все равно все опровергает. По-моему, тот, кто честно может признаться: "Я знаю, что ничего не знаю", - вызывает много больше симпатии... Я не знаю. Но ишу.



- Насколько вы допускаете импровизацию в игре?

- Очень допускаю. Я вообще полагаю, что искусство родилось из импровизации.

- И это определяет "фирменный стиль" вашего оркестра?

- Думаю, что его определяет качество музыкантов.

- Вы для них кто - наставник или диктатор?

Владимир Спиваков: Этюд для скрипки Страдивари

- "Виртуозы" - это скорее братство...

- А почему у вас нет сестер?

- Вот сейчас, если мы станем все-таки государственным оркестром при московской мэрии, появятся у нас и дамы. Возможно.

- Лужков распорядился?

- Что вы! Никаких распоряжений не было даже тогда, когда я в 1979 году создавал оркестр. Случился целый скандал по поводу того, что я набирал людей без конкурса.

- А как же?

- Просто приглашал друзей.

- Какой музыкант может вас растрогать до слез?

- Представьте себе, это дети. В них есть то главное качество, которое теряют люди с постижением профессии, - искренность...

- И она, по-вашему, важнее музыкальной эрудиции?

- Убежден, что есть одно качество, которое для художника идет много впереди всякого знания: интуиция. Она полнее и больше. Но этому нельзя научиться - это часть Божьего дара.

- И она, по-вашему, важнее музыкальной эрудиции?

- Убежден, что есть одно качество, которое для художника идет много впереди всякого знания: интуиция. Она полнее и больше. Но этому нельзя научиться - это часть Божьего дара.

- И она, по-вашему, важнее музыкальной эрудиции?

- Убежден, что есть одно качество, которое для художника идет много впереди всякого знания: интуиция. Она полнее и больше. Но этому нельзя научиться - это часть Божьего дара.

- И она, по-вашему, важнее музыкальной эрудиции?

- Убежден, что есть одно качество, которое для художника идет много впереди всякого знания: интуиция. Она полнее и больше. Но этому нельзя научиться - это часть Божьего дара.

- И она, по-вашему, важнее музыкальной эрудиции?

- Убежден, что есть одно качество, которое для художника идет много впереди всякого знания: интуиция. Она полнее и больше. Но этому нельзя научиться - это часть Божьего дара.

- И она, по-вашему, важнее музыкальной эрудиции?

- Убежден, что есть одно качество, которое для художника идет много впереди всякого знания: интуиция. Она полнее и больше. Но этому нельзя научиться - это часть Божьего дара.

- И она, по-вашему, важнее музыкальной эрудиции?

- Убежден, что есть одно качество, которое для художника идет много впереди всякого знания: интуиция. Она полнее и больше. Но этому нельзя научиться - это часть Божьего дара.

- И она, по-вашему, важнее музыкальной эрудиции?

- Убежден, что есть одно качество, которое для художника идет много впереди всякого знания: интуиция. Она полнее и больше. Но этому нельзя научиться - это часть Божьего дара.

- И она, по-вашему, важнее музыкальной эрудиции?

- Убежден, что есть одно качество, которое для художника идет много впереди всякого знания: интуиция. Она полнее и больше. Но этому нельзя научиться - это часть Божьего дара.

- И она, по-вашему, важнее музыкальной эрудиции?

- Убежден, что есть одно качество, которое для художника идет много впереди всякого знания: интуиция. Она полнее и больше. Но этому нельзя научиться - это часть Божьего дара.

- И она, по-вашему, важнее музыкальной эрудиции?

- Убежден, что есть одно качество, которое для художника идет много впереди всякого знания: интуиция. Она полнее и больше. Но этому нельзя научиться - это часть Божьего дара.

- И она, по-вашему, важнее музыкальной эрудиции?

- Убежден, что есть одно качество, которое для художника идет много впереди всякого знания: интуиция. Она полнее и больше. Но этому нельзя научиться - это часть Божьего дара.

- И она, по-вашему, важнее музыкальной эрудиции?

- Убежден, что есть одно качество, которое для художника идет много впереди всякого знания: интуиция. Она полнее и больше. Но этому нельзя научиться - это часть Божьего дара.

- И она, по-вашему, важнее музыкальной эрудиции?

- Убежден, что есть одно качество, которое для художника идет много впереди всякого знания: интуиция. Она полнее и больше. Но этому нельзя научиться - это часть Божьего дара.

- И она, по-вашему, важнее музыкальной эрудиции?

- Убежден, что есть одно качество, которое для художника идет много впереди всякого знания: интуиция. Она полнее и больше. Но этому нельзя научиться - это часть Божьего дара.

- И она, по-вашему, важнее музыкальной эрудиции?

- Убежден, что есть одно качество, которое для художника идет много впереди всякого знания: интуиция. Она полнее и больше. Но этому нельзя научиться - это часть Божьего дара.

- И она, по-вашему, важнее музыкальной эрудиции?

- Убежден, что есть одно качество, которое для художника идет много впереди всякого знания: интуиция. Она полнее и больше. Но этому нельзя научиться - это часть Божьего дара.

- И она, по-вашему, важнее музыкальной эрудиции?

- Убежден, что есть одно качество, которое для художника идет много впереди всякого знания: интуиция. Она полнее и больше. Но этому нельзя научиться - это часть Божьего дара.

- И она, по-вашему, важнее музыкальной эрудиции?

- Убежден, что есть одно качество, которое для художника идет много впереди всякого знания: интуиция. Она полнее и больше. Но этому нельзя научиться - это часть Божьего дара.

- И она, по-вашему, важнее музыкальной эрудиции?

- Убежден, что есть одно качество, которое для художника идет много впереди всякого знания: интуиция. Она полнее и больше. Но этому нельзя научиться - это часть Божьего дара.

- И она, по-вашему, важнее музыкальной эрудиции?

- Убежден, что есть одно качество, которое для художника идет много впереди всякого знания: интуиция. Она полнее и больше. Но этому нельзя научиться - это часть Божьего дара.

- И она, по-вашему, важнее музыкальной эрудиции?

- Убежден, что есть одно качество, которое для художника идет много впереди всякого знания: интуиция. Она полнее и больше. Но этому нельзя научиться - это часть Божьего дара.

- И она, по-вашему, важнее музыкальной эрудиции?

- Убежден, что есть одно качество, которое для художника идет много впереди всякого знания: интуиция. Она полнее и больше. Но этому нельзя научиться - это часть Божьего дара.

- И она, по-вашему, важнее музыкальной эрудиции?

- Убежден, что есть одно качество, которое для художника идет много впереди всякого знания: интуиция. Она полнее и больше. Но этому нельзя научиться - это часть Божьего дара.

- И она, по-вашему, важнее музыкальной эрудиции?

- Убежден, что есть одно качество, которое для художника идет много впереди всякого знания: интуиция. Она полнее и больше. Но этому нельзя научиться - это часть Божьего дара.

- И она, по-вашему, важнее музыкальной эрудиции?

- Убежден, что есть одно качество, которое для художника идет много впереди всякого знания: интуиция. Она полнее и больше. Но этому нельзя научиться - это часть Божьего дара.

- И она, по-вашему, важнее музыкальной эрудиции?

- Убежден, что есть одно качество, которое для художника идет много впереди всякого знания: интуиция. Она полнее и больше. Но этому нельзя научиться - это часть Божьего дара.

- Вам доводилось когда-нибудь испытать описанное Пушкиным чувство "Ты, Моцарт, - Бог"?

- Знаете, у меня было несколько раз такое ощущение... что я ангела видел, что ли... Но это бывает нечасто. Когда я дирижирую музыку Баха - или вот когда с Бернштайном играл вторую часть Пятого ля-мажорного концерта Моцарта... Тогда я правда почувствовал, что отрываюсь от земли...

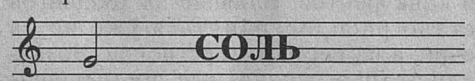
- Говорят, Бернштайн вам палочку подарил?

- Да, я ею дирижирую. После концерта он пришел за кулисы, подарил ее мне и сказал такие слова, которые даже не рискну повторить, чтобы не показаться нескромным. Я после этого за-



Фото ИТАР-ТАСС

перся в уборной и плакал навзрыд. Как ребенок...



- Для вас существует такое понятие: музыка своего времени? И какой музыки время сейчас?

- Знаете, я недавно работал в жюри премии "Триумф". И получил эту премию - в числе пяти прочих лауреатов - Арво Пярт. Я очень рад этому обстоятельству. Мне кажется, что его музыка - несмотря на то что она, может быть, не столь популярна, - это музыка конца нашего века... Пярт - это музыка ощущения. Он умеет буквально из ничего создать поразительную атмосферу. А в конце концов, Анна Андреевна Ахматова, если вы помните, как-то сказала: "Поэзия должна быть соткана из слов, которые мы употребляем, когда пьем с друзьями чай"...

- И музыка тоже?

- Я думаю, что именно потому возвращается стремление к простоте.

- Но музыка Пярта очень трагична, по-моему. Это музыка одиночества. Глас вопиющего в пустыне...

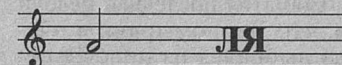
- М-м-м... Если взять одну ноту - это одинокий голос. Но две одинокие ноты - уже созвучие. А три - гармония. Из нескольких одиноких голосов рождается хор... В этом - "гармонии таинственная власть", о которой Пушкин говорил. Лучше него все равно не скажешь... Музыка Пярта глубоко религиозна. Она вся наполнена верой. Даже какие-то фразы музыкальные ложатся на слова молитв...

- Кстати, что за икона у вас висит там, на стене?

- А-а-а, это икона семейная, еще из детства моего. Она ждет своего часа. Она будет подарена.

- Кому?

- Пока секрет. В один храм...



- С каким чувством вы сегодня думаете о том, что "земная жизнь пройдена до середины"?

- Если вы Данте имеете в виду, то наверняка помните, что там дальше. "Я очутился в сумрачном лесу"... Это ощущение мне близко очень...

- Удивляетесь, глядя на себя в зеркало?

- Видимо, портрет Дориана Грея хранится где-то в подвалах памяти. У меня ощущение, что я очень молодой. Что мне года двадцать три... Все так интересно! Каждый день такой неожиданный!.. Может быть, потому, что у меня такой ритм жизни, что иногда даже понять не могу, где нахожусь. Раздается звонок в дверь - могу вскочить и спросить по-английски, кто там. Или выставить за дверь чмода, думая, что пришли его забрать и погрузить в машину... Из-за такой сумасшедшей жизни не могу часто видеть свою семью. И посещать могилу отца. Это угрызения совести ужасные.

- А вы какой отец? Как вы оцениваете творческие способности своих детей?

- Папа я, наверное, неплохой. Во всяком случае, когда мою младшую дочь ругают за ее трехлетние проказы, она говорит: "Ничего, папа добренький, он придет и меня простит"... А в смысле способностей...

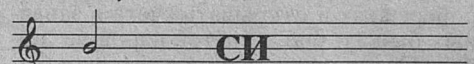
Я считаю, что если человек добр - это уже Божий дар...

- То есть вы не честолюбивый родитель...

- ...Знаете, это такой каторжный труд - быть профессиональным музыкантом, что я просто не хочу, чтобы мои дети пополнили большое количество середняков. Поэтому, когда моя старшая дочь играет на рояле, я не заставляю ее играть больше того, что она хочет. Хотя точно знаю: для того чтобы что-то получилось, детей надо заставлять.

- Это правда, что вас самого музыкантом сделала мама? Вопреки вашему сопротивлению?

- Не-ет, я не сопротивлялся. Просто меня поначалу не приняли в музыкальную школу. Сочли, что я бесталанный мальчик...



- Вам предлагали скрипку Страдивари, а вы от нее отказались?

- Мне действительно предлагали когда-то Страдивари из госколлекции. Я принес скрипку домой, два часа поиграл - и отдал...

- Почему?

- О-о-о... Чтобы это объяснить, придется объяснять разницу между страстью и любовью... Понимаете, я всю жизнь играл на скрипке, которую подарил мне мой учитель, Юрий Исаевич Янкевич. Это Габетти, XVIII век... И эта скрипка была уже очень моя... Правда, теперь благодаря друзьям, любящим мое творчество, я все-таки получил возможность играть на Страдивари.

- Подарили?

- Что вы, подарок такого рода сделать может только банк, наверное... Нет, мне скрипка предоставлена в пожизненное пользование. Я имею право играть на ней до конца дней. Вот играю уже с сентября...

- И как, разница чувствуется?

- Я говорю так: я научил играть свою скрипку. Теперь Страдивари учит меня...

Мария ВАРДЕНГА